

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

Литературным фондом были поставлены "Ревизор" и "Женитьба", причем Хлестакова и Кочкарева играл П. И. Вейнберг; группу "аршинников, самоварников", являющихся с жалобой к ревизору, составляли Тургенев, Островский, Дружинин и другие, а городничего и Подколесина играл Алексей Феофилактович Писемский. Он был превосходен в обеих ролях. Чувствовалось, что он воспринял и воплотил бессмертные гоголевские типы не с книжным лишь пониманием, а на основании личных наблюдений и житейских встреч. Особенно удался ему в этом отношении Сквозник-Дмухановский. До сих пор мне с особенной яркостью вспоминается городничий -- Писемский в его разговоре с Осипом, которого с удивительным талантом играл студент Ловягин, чья ранняя смерть лишила русскую сцену будущего несомненного украшения.

Личное наше знакомство началось в Москве, куда Писемский переселился, устав идти "против течения", редактируя "Библиотеку для чтения" и возбудив против себя ожесточенное, но в значительной степени справедливое, литературное гонение своими фельетонами под псевдонимом Никиты Безрылова, с грубой беспощадностью осмеивавшими почти все без разбора проявления пробудившейся общественной мысли. В Москве, дав по своим противникам последний залп в талантливом, но весьма тенденциозном романе "Взбаламученное море", в котором, по его мнению, "была тщательно собрана вся ложь нашей русской жизни", он успокоился и вошел в свою настоящую колею художника-бытописателя. Его главными произведениями были драма "Горькая судьбина", справедливо оцененная критикой и не утратившая своего художественного достоинства и до настоящего времени, и роман "Тысяча душ". Последний был мастерским изображением того, как жила и какими способами и приемами управлялась русская провинция до эпохи великих реформ. В нем Писемский являлся суровым обличителем той, по выражению Хомякова, "мерзости" и "лжи тлетворной", которыми был полон общественный уклад того времени,-- обличителем не словами гнева и негодования, а правдивыми, животрепещущими образами. Он был также и моралистом. Вся разбитая жизнь Калиновича, сломанного сплоченною силою мелких людишек, с которыми он возымел самоуверенную смелость бороться, служит -- под пером Писемского -- ярким предостережением тем, кто думает,-- а таких бывает немало среди людей далеко не дурных,-- что общепользная деятельность может искупить своим успехом грехи, учиненные для достижения ее возможности. На меня "Тысяча душ" произвела в свое время очень сильное впечатление, да и до сих пор, ознакомясь в моей служебной жизни в провинции с отголосками многого, изображенного в романе, я думаю, что последний по праву должен стоять на первом месте после "Мертвых душ". Поэтому я с удовольствием воспользовался случаем познакомиться с Писемским.

В последнем все было своеобразно: и манера говорить "по-костромски", с ударением на "о", и произнесением "ае", как "а" (он говорил вместо думает, делает, гуляет -- думат, делат, гулят), и огромная голова в черных вихрах, с широким лбом, с большими, навывкате темными глазами и крупными чертами лица, со всклокоченной короткой бородой. Вся его наружность, "неладно скроенная, но плотно сшитая", его манера скашивать в сторону желчный и беспокойный взор имела в себе что-то отдаленно напоминавшее молодого быка. Во всем, что он говорил, слышался сильный, непосредственный ум, чудесно воспринимавший и понимавший прозаическую сторону жизни,-- решительно, хотя и без злобы, отодвигавший и разрушавший все лживые декорации и условные украшения, которыми прикрывалась эта проза. К этому присоединялось глубокое знание народной жизни и безобидный юмор, огоньки которого постоянно вспыхивали в его рассказе. Он был большой хлебосол и любил собирать у себя молодежь, к которой умел относиться без всякой рисовки, просто и сердечно. В доме у него было тепло и уютно, чему в особенности способствовала его жена, уравновешенному и возвышенному душевному строю которой соответствовала прекрасная наружность красивой и здоровой русской женщины. Несомненно, что в жизни увлекающегося, неводержанного и слабого характером Писемского жена его Екатерина Павловна (дочь писателя Свинына) имела благотворное влияние. Изобразив ее в Евпраксии "Взбаламученного моря", он сам признал это и отдал дань искреннего уважения ее нравственным качествам, хотя и назвал ее "ледешком". С таким же чувством относились к ней и все, кто ее знал и кто понимал, что ее жизненная задача была не из легких и что на душе приветливой, умной и с виду спокойной хозяйки не раз бывало очень и очень тяжело. Немалую заботу должны были доставлять ей и странности мужа: его крайняя мнительность по отношению к людям и к своему здоровью, а также, в